

Сергей Лейбград

Распорядок НОЧИ

Засекин[®]
экспертно о главном

Самара 2016

Л 51 ЛЕЙБГРАД Сергей Моисеевич

Распорядок ночи: стихи. –

Самара, издательство «Засекин», 2016 – 72 с.

Фото на обложке:

Гор Мелконян

Фото на клапане:

Сергей Осъмачкин

ISBN 978-5-906077-04-2

© Засекин, 2016

© Цирк Олимп+ТВ, 2016

© Сергей Лейбград, 2016

«на птичьих правах человека...»:

предисловие к книге Сергея Лейбграда

«Распорядок ночи»

Существует традиция рефлексивного предисловия к художественным и научным изданиям, слишком серьёзно рассуждающего о том, *что, почему и зачем* оно нужно, – так, как будто бы от него что-то зависит, как будто оно действительно задает какую-то рамку, контексты, фреймирует ожидаемое чтение книги. Возможно, где-то оно нужно, но только не в данном случае. Ни рефлексивное, ни какое другое. Во-первых, потому что перед вами *очередной* сборник одного из лучших российских поэтов своего литературного поколения Сергея Лейбграда, во-вторых, потому что это уже 15-ая его поэтическая книжка. Это значит, что подлинным непридуманым предисловием к ней является всё предыдущее творчество поэта, – именно оно задаёт масштаб, координаты, в которых следовало бы воспринимать новую книгу. Должен ли читатель срочно броситься к интернету или к собственной книжной полке, чтобы почувствовать этот масштаб, прежде чем начать произносить вслух за автором – вслух или про себя – «Вместо планеты мерцает планида»? Наверно, нет, хотя я бы настоятельно рекомендовал это сделать, *до* или *после*, не так важно.

Советую это в том числе и потому, что не понимаю, как вообще Сергей Лейбград всё ещё *пишет стихи*? Когда у него за плечами уже и *соблазн отчаяния*, и *проба на испуг*, равно испытанные и индивидуально-исчерпанные, когда сознание, варясь в собственном *кипятке*, уже мутировало тысячи раз с каждой новой метафорой и каждым новым болезненно-спасительным проявлением *лирического синдрома*? Когда *песни безумные* спеты, когда пройдена *точка нуля* в литературно-общественной жизни и предъявлены спорящие с новейшими тенденциями программно-апологетические *речи об отречении*? Когда отыграны и пережиты пресловутые «невозможные возможности», а потом и «невозможные

невозможности» авторского текста, жеста, высказывания, голоса? Когда поэт, будучи воплощенным субъектом, как сказали бы философы, публично разобрал себя на первоэлементы настолько, что мы, многие годы наблюдая со стороны за этим последовательным и предельным *опытом развоплощения* посредством соединения слов, уже знаем в нюансах, из чего он соткан, – его аффекты, его фобии, его принципы, его фактичность? Когда даже *стеклянная мгла* уже осталась позади, в конце концов когда уже было *после всего*?

Что может быть после всего?

Странным образом – искусство, то есть «правда проигравших, / как христианство первых двух веков». Конечно, поэт «не в силах говорить и замолчать не в силах», он онтологически обречен на бормотание, губ шевеление, шамканье, «раёшный бред», синонимы, выкрики и прочий «прожиточный минимум смерти». По отношению к такому опыту простое выражение «писать стихи», видимо, не совсем подходит. И хотя от него никуда не деться, тут что-то другое. Попытка продолжать быть, хотя бы «на птичьих правах», бодрствовать несмотря на *распорядок ночи*, пробовать «понимать / и / поминать».

Вероятно, поэтому столь органичная для всей поэзии Лейбграда силлабо-тоника с глубокими звучными рифмами и «нервными окончаниями», воспринимается подчас не как очевидно-проблемная форма стиха в его современном контексте, а как часть физиологического устройства поэта. Это ни на минуту не оправдание. Натурализм в эстетике может сослужить плохую службу. Мы имеем дело с последствиями авторского выбора, некогда обоснованного и пролонгируемого им от книги к книге. Силлабо-тоника Лейбграда максимально персонализирована, узнаваема сразу же, с дальнего расстояния, то есть с первых аккордов. Несмотря на внешнюю классичность и риторичность, включающая форматы в диапазоне от медитативных стансов до почти частушек, считалок и народных песен, она имеет мощную концептуалистскую прививку. Как культуртрегер, ре-

дактор и поэт Лейбград принадлежит конкретистско-концептуалистской постлианозовской традиции, синтезировав её непреходящую радикальную проблематику высказывания с риторическими формальными возможностями конвенционального стиха в его самых разных изводах и обогатив некоторыми собственными приёмами (отмечу, что Лейбград признан в этом своём качестве ведущими представителями оной традиции). Поэтому его силлабо-тоника периодически (аналитически и спонтанно) распадается на речевые массы, фразовые миниатюры, обрывки, внезапные отдельные реплики, то бишь *итальянские* и *иудейские* осколки большого лирического стиля, – чтобы то и дело заново, *процессуально* собираться, оформляться в него здесь-и-сейчас. Это отчасти похоже на то, что делает в музыке Алексей Айги и ансамбль «4'33», – на то, что они показывали на гастролях в рамках фестиваля «Европейские дни в Самаре» (1996), организованного на тот момент редактором вестника современного искусства «Цирк Олимп» Сергеем Лейбградом.

Разумеется, как и положено «лирическому герою Советского Союза», поэт и в этой книге не перестаёт выяснять отношения с миром, эпохой, родиной, властью, родным городом, смертью, женщиной, литературой. Он носит с «я» или тем, что от него осталось, как с даром и проклятием. Мы также часто можем почувствовать в стихах Лейбграда вполне осязаемые ритмические генетические истоки, как, например, в стихотворении «На красный идём светофор мы...» слышатся тугие, пружинистые, с просторной акустикой, мандельштамовские московские амфибрахии 33-34-ого годов (вообще Мандельштам – нечто интимное для Лейбграда, почти биографическое, я имею в виду совпадение дней рождения поэтов, неслучайно более всего интертекстуальных отсылок у него именно к стихам Мандельштама). К этому можно добавить, что Лейбград со свойственным его текстам вавилонским смешением имён, событий, исторических пластов предстаёт актуальным немодерным поэтом культуры, не Верленом, а, скорей, Бодлером

культуры, от отчаянья и априорной разочарованности в результатах человеческих усилий бросающегося в эсхатологические крайности центонного разума. Однако несмотря на все классические обертона и паттерны живучая силлабо-тоника Лейбграда – это поэтика после *лингвистического поворота*, после осознания неумолимой необходимости перманентной критики языка, со всеми её нетривиальными негативными и позитивными эффектами.

Фирменным воспроизводящимся лейбградовским способом справляться с языковой сущностью нашей жизни, нашего сознания, наших социальных практик является *парономазия* (извиняюсь за неблагозвучие), то есть семантическое сближение фонетически схожих слов, паронимов. Паронимический фонд русского языка должен отчислять Лейбграду весомые дивиденды за бескорыстную популяризацию подобных смысловых источников и открытие новых каналов для беспрецедентных паронимических потоков. Паронимия действует у Лейбграда повсеместно (и в стихах, и в прозе), часто она служит как бы для разгона, для переключения, для попадания в модифицированное поэтическое состояние, в котором запускаются дальнейшие метаморфозы и организуются прицельные метафорические попадания. Правда, зная Сергея в повседневной и профессиональной жизни, я вовсе не уверен, что он когда-то из этого состояния выходит.

К месту сказать, довольно много поэтических книжек Лейбграда содержат и его прозу. Учитывая его многочисленные литературные и публицистические эссе в разных изданиях (условно выделим два этих жанра), объём его прозы едва ли не превышает объём написанного им стихами. Но это такая проза, которую можно было бы в существенной степени записывать в столбик. О чём бы он ни писал, о своих коллегах по цеху или смежным искусствам (о Мишеле Уэльбеке, Милораде Павиче, Майкле Каннингеме, Алексее Германе, Владимире Сорокине, Викторе Пелевине, Исааке Бабеле, Павле Пеперштейне, Саше Соколове, Всеволоде Некрасове,

Дмитрии Александровиче Пригове, Льве Рубинштейне, Сергее Гандлевском, Михаиле Айзенберге и др.), на разные общественно-политические темы или *записки для чтения в радио- и телеэфире*, это проза, основанная на той же индивидуальной поэтике, той же стилистически выверенной эмоциональной и интеллектуальной культурологии и паронимически-аналитической точности в характеристике предмета описания. Когда-нибудь потомкам предстоит решить, что у него значимей – проза или поэзия, я же не возьмусь за вынесение подобных вердиктов.

Точность, о которой я только что упомянул, вероятно, является одной из эстетических obsessions Сергея Лейбграда, его бесконечной когнитивной задачей. Я не знаю, откуда он берёт эту спазматическую монументальную точность своих определений и картинок, я могу лишь её констатировать. «И поворотник тикает, как бомба» (из более ранних текстов), – читаешь и думаешь, как ты раньше этого не замечал. А вот сразу и материальная, и эмоциональная точность в по-глазковски составленном *краткостишье*:

Я в автомобиле своём,
где даже приёмника нет,
пристёгнутый чёрным ремнём,
сижу, как посмертный портрет.

А это – немного иначе – краткое, сжатое до афоризма, апеллирующее к актуальной политической российской действительности с её новыми печально известными аморально-юридическими новациями:

Убийцы не потерпят, чтобы их оскорбляли.

Есть расхожее всем известное понятие точных наук, точность которых имеет количественную природу. Однако есть и другая точность – качества, содержания, оценки, состояния, сравнения, эмоции, ее направленности. Парадоксальная ассоциативная *сдвигологическая*

точность. Она продирается через атмосферу поэтической неопределённости, но достигает своей цели, не разрушая многомерности смысла.

Кадыровы решают всё

иосиф сталин

Или такое:

шар пикассо
квадрат малевича
куб навального

Вполне возможно, что кто-то сочтёт открытые паронимические *цирколимпийские игры* Лейбграда или вот это последнее, процитированное, каламбурами, остротами, низовым жанром. Я даже не буду спорить. С той лишь поправкой, что остроумие, растворённое в стихах Лейбграда, – опыт сам по себе вовсе не факультативный. Неслучайно Фрейд посвятил остроумию серьёзное и объёмное исследование. Роль остроумия состоит не только в том, чтобы вызывать у читателя специфическое удовольствие, хотя и это не мало. В работе Фрейда мы находим красноречивую цитату из немецкого писателя Жана Поля: «Свобода даёт остроумие, а остроумие даёт свободу». Комментарии излишни, по-моему. Жану Полю приписывают ещё одну цитату: «Проницательность ума – это совесть остроумия».

Я вспомнил её, чтобы отметить ещё одну патологическую навязчивую не идею даже, а экзистенциальную структуру, которая явно не даёт Лейбграду никакого продыха. Это не что иное, как совесть, непрекращающийся пароксизм совести, который не позволяет поэту смотреть на всё происходящее вокруг, не третируя прежде всего самого себя – за то, что ничего по существу нельзя изменить. Обычно это свойственно выжившим свидетелям, тем, кто вышел живым из ужасных массо-

вых катастроф. Но вот, получается, не только им. Что публичная гражданская активность Лейбграда, что его стихи (часто они ещё и пересекаются в эфире или на митингах), – везде им рулит своего рода животный романтический инстинкт совести. Именно поэтому «не хочу я быть с моим народом, / там, где мой народ к несчастью есть» совмещается у него с этическим самообременением: «...и спрятавшись в нишу, / компьютерной мышью свербя, / как я ненавижу, / как я ненавижу себя...».

В последние годы поэзия Сергея Лейбграда стала ещё более политизированной, чем была, экзистенциальное в ней ещё более переплетено с политическим, а гражданское с лирическим. Благо реальность даёт поводы для такого синтеза. «Пятая колонна», «ордынство», «плешивый диктатор», «имплементация», «Донбасс Владимирович» – эти и другие знаковые реалии современного политического поля и дискурса, нашей совместной жизни опрокинуты в лирический котёл книги, чтобы перевариться в нём, (хоть в нём!) переплавиться во что-то человеческое. И пока мы читаем эту книгу, пока *poiesis* приводит в чувство *новую антропологию*, в это самое мгновение сопрягаются времена, рушатся границы далёкого и близкого, частного и публичного, сакрального и профанного, прошлое выходит из берегов, угрожающе наплывая на современность:

спят берлин со сталинградом
моджахед и шурави
чьё-то тело дышит рядом
задыхаясь от любви
бог распят и обезврежен
через марлю свет процежен
и течёт из всех прорех
из-за острова на стрежень
третий крым четвёртый рейх

Вот говорил же я, что не нуждается книга в предисловии. Надеюсь, мне удалось обосновать этот тезис.

* * *

Вместо планеты мерцает планида.
Чехов юродствует, Бунин томит
в рваном пространстве, где поезд гремит
грубым железом, как пояс шахида.
Не было даже единственной той
жизни, прошедшей поблизости мимо
рифмы пронзительной, сладкого дыма,
горького тела и страсти пустой
около дома в бездомной стране,
где человек растворялся в окне,
кое-что зная, но мало что знача,
в комнате смеха, прижатой к стене
плача.

* * *

На этот утренний пейзаж,
всегда ничей и вечно наш,
с табачным воздухом в груди
без слёз не глянешь. Не гляди
без слёз. В заплаканном краю
стоишь с раскатанной губой
в давно расстрелянном строю,
пропахшем водкой и бедой.
Ты на себя-то посмотри,
я на себя-то посмотрел.
Как память мёртвая внутри,
сгорает осень на костре.
Рельеф постылого лица
по карте времени течёт.
Меня до самого конца
никто от жизни не спасёт.

Больничные стансы

Охранник ограниченный, как штамм
истории, решительный, как кашель,
я шамкаю: «шаламов», «мандельштам»,
мой рот забит небесной манной кашей.

Я есть ещё, но, кажется, что нет,
но смех шуршит, как нужная бумага,
больничный корпус – восемьдесят лет
ударной стройки местного ГУЛАГа,

дремоты золотые вензеля,
постылый дух дерьма и киселя,
развесели меня, развеселя,
мне выкинуть сможешь кренделя.

В засрайской поликлинике, в раю
синонимы – живу и умираю,
но как мне удержаться на краю,
по мёрзлой кромке двигаясь, по краю?..

Сгорело солнце. Чёрная дыра
в сплетении зияет со вчера,
судьба на выход требует с вещами.
Кто говорит? Никто не говорит,
в моём желудке лампочка горит
и путь заветный людям освещает.

* * *

не стесняйся мы не в ссоре
мы не сёстры и не братья
зреют на смех терпсихоре
наши терпкие объятия
наши тесные дыханья
в безвоздушности телесной
до свиданья до свиданья
до свиданья друг чудесный
снова плоскостью отвесной
снег засвеченный как фото
перхоть похоти небесной
над расстрелянной пехотой

* * *

Убить тебя, забыть, не обернуться,
расплакаться от злости на ветру.
Но перед тем как всё-таки проснуться,
но перед тем как всё-таки умру,
на Целана бесцельно натолкнуться
и Друнину вдруг вспомнить не к добру.
Но перед тем как всё-таки проснуться,
но перед тем как всё-таки умру,
я буду жить смешно и бесшабашно,
жестоко и бессовестно вполне.
Кто говорит, что им со мной не страшно,
тот ничего не знает обо мне.

* * *

мне эта жизнь ни разу не приснится
но женщина промолвила пока
курсор неуловимый как ресница
трепещет в лабиринте языка
как веб-страница счастье недоступно
какая веб-страница дорогой
я проиграл и кажется что крупно
на этот сайт я больше ни ногой
и ни рукой какая веб-страница
над левым полушарием закат
а в правом полушарии ресница
трепещет в лабиринте языка
страницы книг как листья догорают
и музыка сухая бьёт ключом
я не пойму на чём они играют
зачем они играют и о чём
сухие дни раскосые подростки
шуршат как крестный ход по колее
беззубых рифм слепые отголоски
плывут ко мне в воздушной чешуе

* * *

Я старше и старше, а ты всё моложе,
тоска по Итаке, сплошной Гильгамеш,
все гении – геи, все геи похожи
на гейш.

Ты знала, наверно, я слышал от скольких,
что ты не вернёшься, а я не дойду
из русской зимы до этрусских осколков
по снежному плену, по голому льду.

Европа, Елена, Мария, не надо,
мы в тесной прихожей зажаты в тисках,
где серая кошка урчит, как цикада,
где души и шубы висят на крючках.

Самарские стансы

Когда бы ни футбольная команда,
чей русский дух томится на полях,
наркома внук и дочка наркомана
давно бы растворились в Жигулях.
Мышиный трон, купеческие вздохи,
косая удаль в тёртом казаке.
Я в курмышах, я выкормыш эпохи,
где время, словно пыль на языке.
Пьянящая казённая свобода,
за вещь в себе – статья за воровство.
По слободе гуляет непогода,
по Волге вниз уносит естество.
Раёшный бред, райкомовское счастье,
отчётливый по Блоку звон костей,
моя любовь похожа на запястье
единственной возлюбленной моей.
Свидетельствую: шрам вместо шарма,
старуха-жизнь, раскольников-процент.
Самара, одиночество, казарма,
окраина, ширяево, арт-центр.

* * *

Живу и верую
по праву раздолбая
Россия серая
Европа голубая

Мигая фарами
дух мчится над водою
и тело старое
дрожит как молодое

* * *

линия только призрак
складки
на ткани света
если смотреть сквозь призму
Леты на это лето
снова жара глухая
что с головой не дружит
слышу как сам вздыхаю
снова мне снится стужа
в наволочке в конверте
снится пейзаж в Отчизне
тот кто не знает смерти
разве боится жизни
страшно читать евреев
греков и прочих лысых
трогать тела деревьев
не задевая листьев
страшно сидеть на кассе
страшно стоять на страже
даже не заикайся
не заикайся даже

* * *

в не столь отдалённых интимных местах
в мерцании зон эрогенных
я выжил я вышел салфетку в крестах
на память об аборигенах
и вновь заикаюсь и губы дрожат
ни шагу вперёд и ни шагу назад
и веки сомкнуть не пытаюсь
стою на часах по колено в песке
и время держу словно птицу в платке
и первой любовью питаюсь

* * *

Кряхтит постаревшая псина
и хлопает стеклопакет.
В заброшенной комнате сына
включаю бессмысленный свет.
На чёрный сбивается юмор
постыдная речь ввечеру.
Порадуюсь, что я не умер,
порадуюсь, что я умру.
Живу, как ненужная веха,
в протяжном прощальном гудке
на птичьих правах человека
в собачьем своём закутке.

* * *

Плачьте, ива и рябина,
утешать вас не берусь.
Мы – Орда, а Украина –
это Русь.
Мы – Орда, истлела лепта,
натирается с трудом.
Мы – Россия, видишь, степь да
степь кругом.
Наши лики – это блики,
балалайка, рафинад,
мерь, болгары да калмыки,
да Хазарский каганат.
Неразборчивое слово,
сладкий дым, как борода
в ночь бегущего Толстого
к богу, к чёрту, в никуда...

* * *

Это сука из глубинки, это скука мировая,
спит невытая Отчизна, точно пьяный верхолаз,
это музыка Равеля, это музыка трамвая,
палача очарованье и предательства соблазн,
клетка жизни стволовая,
исторический баланс.

* * *

Грядущее похоже на ислам.
Мне мало не покажется, мне много
покажется, лишь выйду на дорогу
один, как перст, и звёздам несть числа,
и Лермонтов из детства улыбнётся,
и даже путь кремнистый заблестит,
хоругвеносец в страхе матернётся,
и заскулит от боли трансвестит...

* * *

Порой, порой, осеннею порой
пороть горилку и пороть горячку
разбитым ртом, распоротой судьбой.
Порыв прошёл, как пар над головой,
как рота по проспекту за горой,
как рок-н-ролл за речкой в раскорячку.

* * *

Хозяйка потасканная
собака натасканная

* * *

Гостиница «Кладбище»
От 2 тысяч за сутки захоронения

* * *

Заморить червячка
Задушить зародыша
Родить Эдипа

* * *

Я испытываю симпатию.
Она не выдерживает испытаний.

* * *

Путин Райот
КГБог
Владимир Владимирович Ходорковский

* * *

Под шумок времени

* * *

Но пассаранск

* * *

йоко за йоко
во время оно

* * *

перемены будут
директор школы

* * *

шар пикассо
квадрат малевича
куб навалального

* * *

а казачок-то засранный

* * *

Сгорает день, и звёзды на весах,
и бабушки в домишках обветшалых.
Гуляет призрак предка в орденах,
Самара увязает в словесах,
в колхозниках, в прорехах и провалах.
Аллах Акбар, прости меня, Аллах,
Христос воскрес, и дырка в небесах,
как амбразура рваная, как память
дырявая. Любимая, прости,
за этот спам, что тянется за нами,
за эту власть, за глупость, за позор.
Взлетает тень от Жигулёвских гор
и падает, как птица, за горами.

А женщина, что вышла из купе,
простившись оглушительно и кратко,
вся в родинках, как в гречневой крупе,
уходит вдаль
вдоль Волги
без остатка.

* * *

перебои в груди перебои с водой
и звонки телефонные наперебой
я голодный небритый и немолодой
холодильник забит прошлогодней едой
вся квартира в подарках позорных волхвов
в мельхиоровых ложках в осколках шаров
в мишуре балтазаровой и в кожуре
от каспаровых ягод на старом ковре
и не вспомню уже сколько зим сколько лет
на щеках и висках несгораемый свет
а зима за окном всё лютей и лютей
пахнет смертью и смирной от спящих людей

* * *

две гвоздики шесть конфет
возлагаю на лафет
бенедиктов тютчев фет
крепостной мой марафет
радиоактивный фон
стадион как патефон
между нами чёрт изыди
соchi телемарафон

мне малым мало спалось
да во сне предвидел лось
только то что лось предвидел
почему-то не сбылось
всё в россии вкривь и вкось
в горле камень в сердце кость
по квартире в голом виде
заговариваю злость
ты простишь меня небось
я любил тебя насквозь
не заметил как обидел
возвратившись на авось
пожалей меня и брось
я очнусь и выпью чая
в жигулях гуляет лось
как душа моя ночная

я не скажу что слышу ещё сильнее
я промолчу что вижу ещё слабей
пир во время чумы свиней
мир во время войны людей

золочёные кокарды
беспардонные бастарды
похоронные венки
телефонные звонки
батискафы перископы
скрежет керченской косы
тороватые холопы
как раскормленные псы
слишком поздно слишком рано
спи в утробе замолчи
сетевые тараканы
расползаются в ночи
кто не знает что во фляжках
кровь чернеет на костяшках
без опознавательных
знаков глиняных льяных
спят берлин со сталинградом
моджахед и шурави
чьё-то тело дышит рядом
задыхаясь от любви
бог распят и обезврежен
через марлю свет процежен
и течёт из всех прорех
из-за острова на стрежень
третий крым четвёртый рейх

* * *

На багровые складки заката
он взирает, как мартовский кот,
хамоватый плешивый диктатор,
повелитель морей и болот.

Заражённые тем же мотивом,
воспарив над скоплением масс,
наполняют душевным порывом
дрессированность жестов и фраз.

Всё похоже: и тело и слово.
Всё похоже – и что же с того?
На любое холуйство готовы
ради барства они своего.

Не завидуй единству и месту,
недостойный такой красоты,
ты – культурная жертва инцеста
и осколок чужой пустоты.

* * *

Речь тянется вдоль глаз, хромая, враскоряку,
что надобно понять, не стоит понимать.
Мне нечего сказать узбеку и коряку,
и Чехову в Крыму мне нечего сказать.

Мелодия одна, одна фигура речи,
и фи́га под полой с гримасой «ни фи́га».
О чём нам говорить, беседовать нам неча.
Как девочки в метро, в степи грустят стога.

О чём нам говорить уже в пустом вагоне?
Промокшие насквозь сухими из воды
мы выйдем наугад – вся схема на ладони –
иллюзия судьбы, иллюзия беды.

Всему положен счёт, как смерть при Фермопилах,
забудемся, заснём на третьей мировой.
Не в силах говорить и замолчать не в силах,
мы в снежный небосвод летим вниз головой.

* * *

Пускай уходят солоно хлебавши
держатели арен и ярлыков.
Искусство – это правда проигравших,
как христианство первых двух веков.

Слепой старик забыл ключи от дома.
У нашей жизни середины нет –
всё на краю, на линии разлома.
И ночь страшней, когда включаешь свет.

* * *

Дожидаюсь отклика после выкрика,
согреваю дыханием чернозём.
Нет ни грека, ни иудея, ни икса, ни игрека –
только снег с дождём.
Только лёд с водой и ржавые трубы,
только март убивается по февралю.
Ты меня целовала в глаза и губы,
будучи уверена, что я сплю.
Отрешённо, словно солдат со знаменем,
повторяя всю ночь со знанием
дела: «Прощай, миллениум. Привет, реланиум.
Пропади всё пропадом, гори синим пламенем».

* * *

лжеантичная ясность ублюдка
перекличка разводка побудка
зажигалка планшетка селёдка
это город на грани рассудка
словно мужеподобная тётка
мы впитали пространство как губка
мы запомнили то что забыли
эти книги от лагерной пыли
ты уже не очистишь голубка
это угол квартиры отвесный
это русь это высшая раса
это местная власть это местный
распорядок до мёртвого часа
словно суржик земной и небесный

* * *

Спускается ангел сусальный
примерить на тело обнову.
Над Киевом звон погребальный:
хоронят российскую мову.

Разносится гулкая слава,
палатки бредут караваном,
и кружится пепел курчавый –
как Пушкина прах – над Майданом.

* * *

Возвращайся в лоно,
кончилась лафа.
Пятая колонна,
пятая графа...

* * *

Мне кажется, мы виделись лет сто
назад, когда нам было по пути.
Тебя я ненавижу лишь за то,
что ты вне зоны действия сети.
Завис на мониторе твой рассвет
назло судьбе и прочей гольтьбе.
И если ты мертва уже, то нет
прощения тебе.

* * *

от голода вымерла псарня
пульсирует глаз в темноте
не верю я в этого парня
который висит на кресте

меня увлекает интрига
и дева порочней других
татаро-монгольское иго
на скулах играет моих

не верьте шепчу я не верьте
в неведомый свет из прорех
прожиточный минимум смерти
уже обеспечен для всех

и беженцы и оборонцы
и хриплая дама в такси
установились в ржавое солнце
над юго-востоком руси

* * *

Каша-мала – говорю вам – такая злая.
Память обрушена, не попадешь в забой.
Надо учиться свистеть, верещать и лаять
и прекращать разговоры с самим собой.

* * *

мария марево мура
мираж впадающего в детство
шумят арагва и кура
и днепр и терек по соседству
смотри на нервном волокне
висит хромая хромосома
во мне как будто бы во сне
в снегу как будто бы спросонья
играет с тенью на стене
трепещет в воздухе запрелом
облаткой тает на окне
я не уйду отсюда целым
из жизни
с плоскости стола
рабочего
из сна из круга
куски разбитого стекла
уже не ведают друг друга
ордынство душное как шерсть
изнанка русской панорамы
ярлык на память и на смерть
несуществующей программы

* * *

живя в такой загадочной стране
что я скажу шотландцам каталонцам
мне отщепенцу мирному вполне
нет места для курения под солнцем
без санкций я умерил аппетит
мне больше ничего уже не треба
булатовым расписан купол неба
пока его пожар не поглотит

гори донбасс сияй неугасимо
но головная боль невыносима

* * *

это время некроза
если по существу
стриптизёрша-берёза
сбрасывает листву
как в замедленной съёмке
как в разорванном сне
это снова потёмки
это чехов в пенсне
у глядящего в оба
целый крым на окне
снова осень как обыск
шелестит по стране

* * *

Там на окраине дряблой,
где-то у спуска к реке,
старость моя между яблонь
тихо плывёт в гамаке.

* * *

сходить мне что ли с ума?

* * *

Я в автомобиле своём,
где даже приёмника нет,
пристёгнутый чёрным ремнём
сизу, как посмертный портрет.

* * *

Я до тебя сегодня не дотронусь,
но будь на расстоянии руки.
Мне голову облизывает Кронос,
я слепну, просыпаясь от тоски,
в магнитном поле тающего срока,
где бродит электрический заряд,
где жизнь моя по ниточке порока
скользит и возвращается назад,
где в хрупком мире жалости и страха
ты притаилась гордо и смешно,
влетев ко мне в сознание с размаха,
как птица в незакрытое окно.

Имплементация

напротив лобного места
а если точнее наискосок
в самой лубочной зоне
на лобке столицы нашей Родины
лежит мёртвый член КПСС номер один

с таким членом страна ещё родит сына
дебила в инвалидной коляске
по имени Донбасс Владимирович
он вылезет из утробы
из глубоководной шахты
из вавилонской башни построенной вглубь
земли
с околоземной орбиты
в крови и в угле
чёрный как Отелло
и скажет то единственное
то главное русское слово
понятное всем племенам
бывшее в начале и будущее в конце
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ

а я лежу голый на голом полу
в маленькой железобетонной квартире
в самой большой стране
на берегу самой большой реки
смотрю на голую жилплощадь своего тела
и вижу член свой
ещё живой ещё горячий
и помню про наступающую старость
и молчу
и боюсь что во сне буду звать тебя вернуться

* * *

а я не верю,
что вы верите в бога

* * *

Святое правописание

* * *

Убийцы не потерпят, чтобы их оскорбляли.

* * *

хорошо мне узнику на воле
братия и сестры мусульмане
полиэтиленовое поле
тлеет в целлофановом тумане

после злой распутицы осенней
наши души тени метеоров
спят на дне донецкого бассейна
чёрные как мумии шахтёров

в приграничном доме опустелом
прошлое запутано следами
доиграю голосом и телом
наше непорочное свиданье

* * *

окружила нас среда
рвутся в клочья занавески
лица в патине как фрески

на поверхности пруда
в результате нефтеврезки
сцены страшного суда

* * *

На красный идём светофор мы,
заслушавшись галиматъи.
У женщины крупные формы:
романы, доклады, статьи,
два тома одних монографий,
три тома одних словарей.
Но весь этот подвиг жирафий
готова забыть поскорей,
отречься от мрака и света,
от пищи и сна, от всего
за глупое слово поэта,
за тёплые губы его.

* * *

Белый спам, белый снег, белый страх
засыпает нас в снежных часах,
и машины, как мебель в чехлах,
и деревья, как вены в узлах.

Новогоднее время взаимы
целой жизни безумной пропажа,
белый гриб непролазной зимы
заполняет пространство пейзажа.

Белый хлеб на одеждах нерях.
Не в бесформенных ангелах дело.
Где-то в геомагнитных полях
пропадает любимое тело.

Из-под глыб, из-под глаз, из-под век
только снег, только снег, только снег,
бесконечный, бессмысленный снег
из-под глыб, из-под глаз, из-под век

* * *

Но город впадает в угар и в запой,
но голос сочится сквозь щели:
ты только контейнер для жизни слепой,
ты средство и опыт без цели,
тебе ничего здесь не принадлежит,
и даже устало тело
на мартовском холоде мелко дрожит,
сжимаясь от снежного мела.

* * *

На матовых лицах от мата
горит вековая печать.
Смотри, гематома заката
висит над Самарой опять.

Над ямами смуглые лица
взрывают наречием тишь.
Но ты, пресловутая птица,
куда ты одна улетишь?

От августа пахнет распадом.
Любимые лица в пыли.
Не надо, послушай, не надо,
нет неба у этой земли.

Чем хочешь, тебя заклинаю,
глотаю туман на бегу.
Ты знаешь?
Да знаю я, знаю...
Вот только забыть не могу.

* * *

вот моё счастье на вид
без дураков и обид
тихо тепло не болит

а заболит закурю
с кем я сейчас говорю
если с тобой говорю
кончился мой динамит

вена антенна висок
тела фантомный кусок
лётся в эфир как песок
пыль галактических плит

Меня убивали поодиночке и вместе со всей семьёй.
Юным и зрелым. Старым и больным.
Целомудренным и порочным.
На брачном ложе и в утробе матери.
Меня убивали десятками и сотнями.
Тысячами и миллионами.
Сжигали и закапывали заживо. Расстреливали и вешали.
Заботливо душили газом в промышленных масштабах.
Наверное, именно поэтому я слишком часто повышал голос.
Просто я знал, что вряд ли можно обидеть тех,
кто и так собирается убить тебя
в очередной раз.

валяйте ваньку режьтесь в дурака
чешите репу в тайных пересудах
по осени цыплята табака
как головы крестителей на блюдах

на цыпочки вставая сгоряча
к назначенной поверке возвращаясь
цепляйтесь за улыбку палача
цыплятами по осени считаясь

* * *

Ну, какие в Самаре дела?
Разговоры одни, тары-бары.
Плачет небо, и тушь потекла
по разбитым морщинам Самары.

Этот город пропитан войной,
что ему синяки и порезы?
Этот город стареет со мной,
новостройки скрипят, как протезы.

* * *

Все артисты
коллорационисты

* * *

После катастрофы России
был найден чёрный ящик Малевича

* * *

Кадыровы решают всё
иосиф сталин

* * *

посети мя, боже, посети
в понедельник после десяти

* * *

Не надо, не держись
за тонкий стебель мая.
Глухонемая жизнь.
И смерть глухонемая.

От свинства до свинца,
до сдавленной аорты
два слова, два лица
зачёркнуты и стёрты.

Бумажные цветы.
Снег превратился в жижу.
Россия – это ты?
Не слышу и не вижу.

* * *

Прощай, ямщик! Привет, денщик!
Преломлен хлеб.
Холуй, дурак и временщик
скрипят от скреп.
Плешивый вождь, без кепки метр,
Христос воскрес.
Над чёрной кровью наших недр
летит «Прогресс».
Терплю тебя при всех чинах,
при свете фар.
В твоих обиженных глазах
«Аллах Акбар».

Но жизнь без всяких экспертиз
сплошной стриптиз.

Свобода – это не ответ
и не кусок.
И двадцать пять безумных лет
ушли в песок.
И как холодная война,
прошла плакучая весна.
И горек мёд.

Россия вспрянет ото сна.
И вновь уснёт.

* * *

Чёрный вход для оскорблённых чувств.
Сабантуй языческих искусств.
Крестный ход. Физические лица.
Над толпой советская зарница.

Вохра. Украина. Непогода
на руинах зоны и завода.
Анна, уж простите, ваша честь,
не хочу я быть с моим народом
там, где мой народ, к несчастью, есть.

* * *

Горбатый профиль страха и гордыни
в последний раз покажется в окне,
и бензовозы рыжие, как дыни,
застынут на дорожном полотне.

Античный бред из Сирии по скайпу,
наложницы, долги, аятолла...
Зарница моментальная, как скальпель,
надрежет ночь на краешке стола.

Короткий сон философа Сократа,
тяжёлый вздох и не воскресший дух.
И вздрогнет плоть, горячая когда-то,
и вспыхнет снег, как тополиный пух.

* * *

с сигаретою вдвоём
в сизом облаке своём
гражданин воскликнул вобла
в синем небе точно колба
слишком ранняя луна
или детская слюна
гражданин кряхтит как птица
машет городу рукой
он удумал раствориться
вместе с дымом над рекой
гражданин влюблён в кого-то
но в кого не знает сам
замерев у поворота
потеряв и стыд и срам
он клянёт тупые власти
он несёт дурные вести
разорвать его на части
растоптать его на месте
бургомистр и гауляйтер
мы собьём с него всю спесь
подождите не стреляйте
пусть помучается здесь

* * *

вот опять пустые стены
вот опять немые сцены
свет разрезанный на зги
звук разбитый вдребезги

рвётся нитка интернета
в паутине спит планета
от дамаска до самары
алавиты косовары
самовары шаровары
шуры муры тары бары

прошу пани век мой прожит
выпит волчьими губами
оттого и смерть дороже
чем твоя кривая память

соки воды чита грита
нота бене авто вело
запорошено прошито
это дело это тело

* * *

Шёл по лезвию не я –
по осколкам, по крупицам.
Соболезнования
направляются убийцам.
Глухо воеет благодать
сквозь отеческую призму,
больше некому рыдать
над разорванною жизнью.
Если горе для ума,
как последняя истома,
если движется зима,
как чума на оба дома...

* * *

Горацио, мне грустно и темно.
Хоть Александр Сергеевич и рядом –
ему к спине приставлен револьвер
единственного европейца в наших
пенатах, палестинах, курмышах.
О, Русь моя! О, Сирия! О, Киев!
О, мать твою российских городов.
Нить Ариадны, дочери Марины
Цветаевой, которую в Самаре
насиловал конвой гуманитарный.
Любви твоей все возрасты покорны
и ненависти тоже. Но тела,
как свечи оплывают, уплывают.
Но чу! Звонят! Скорей ищи мобильник.
О главном речь заводит Пастернак.
Клеветникам России, – пишет Пушкин.
Бугры голов, – бормочет Мандельштам.

* * *

Раньше дышать было нечем.
А теперь незачем.

* * *

Ну и тела!
Кругом одни тела.

* * *

одну сигарету и спать
и спать с одной сигаретой

* * *

понимать
и
поминать

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Л 51

Л 51 ЛЕЙБГРАД Сергей Моисеевич

Распорядок ночи: стихи. –
Самара, издательство «Засекин», 2016 – 72 с.

Библиотека «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено:

Сергей Лейбград (стихи, составление)

Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

Виталий Лехциер (предисловие)

Гор Мелконян (фото на обложке)

Сергей Осьмачкин (фото на клапане)

ISBN 978-5-906077-04-2

Подписано в печать 09.12.2015

Формат 60х90/16. Объём 4,5 печ. л.

Гарнитура Minion. Бумага мелованная

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии ООО ПК «ДСМ»

Самара, ул. Верхне-Карьерная, за, т. +7 (846) 279 21 77